

НАПОЛЕОН, ЖОЗЕФИНА, ЖЕРМЕНА И ДРУГИЕ. КАКАЯ РОЛЬ ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ СРАЗУ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

15 фримера VI года Республики (в декабрьский день 1797 г.) командующий Итальянской армией Наполеон Бонапарт прибыл в Париж, намереваясь вручить правительству Директории Кампоформийский договор с Австрией. Победоносная Итальянская кампания вознесла молодого генерала на вершину славы. Победитель Арколя и Риволи тотчас стал объектом всеобщего, и в особенности, женского интереса.

Жермена де Сталь, дочь знаменитого банкира Неккера, писала ему восторженные письма в Италию, на которые не получала ответа, и поспешила встретиться с героем уже на следующий день после его возвращения, 6 декабря. Встреча произошла в несколько чопорной обстановке министерства внешних сношений и не оправдала ожиданий Жермены. Бонапарт был само высокомерие. В последующие дни, когда ей случилось видеть его на балах и приемах, Жермена прибегала к всевозможным ухищрениям, ища сближения. Напрасно. Бонапарт оставался холоден и избегал ее общества. 3 января 1798 г. Ш.-М. де Талейран, министр внешних сношений, дал бал в честь супруги Бонапарта Жозефины. В кругу избранных лиц, приглашенных на это празднество в особняк Галлиффе, Жермена пошла ва-банк и, надеясь услышать, наконец, несколько лестных слов в свой адрес, спросила:

- «Генерал, кто та женщина, которую Вы больше всего любите?
- Моя.
- Естественно. Но кто та, которую Вы больше всего цените?
- Та, которая наиболее искусна в управлении хозяйством.
- И с этим я согласна, но кто для вас самая выдающаяся в мире женщина?
- Та, у которой больше всего детей! – сухо ответил Бонапарт и повернулся спиной к собеседнице»¹.

Ответ Бонапарта был продиктован явным желанием узавзвить мадам де Сталь, претензии которой на выдающуюся роль в политике были всем известны.

Жермена была исключительной женщиной и по своему происхождению и по личным качествам. На три года старше Бонапарта, она родилась 22 апреля 1766 г. в Париже. Ее родители, мать, урожденная Сюзанна Гюршо, и отец, Жак Неккер, трижды министр финансов Людовика XVI², были родом из романской Швейцарии. Ж. Неккер составил себе славу как адепт идей Просвещения, а его супруга держала салон, куда наведывались Ж.-Ф. Мармонтель, аббат Г. Рейналь, Ж.-Б. Сюар, аббат А. Морелле, Ж.-Л. Бюффон, М. Гримм, П.-А. Гольбах, К.-А. Гельвеций, Д. Дидро и другие носители самых смелых идей своего времени. С ранних лет, примостившись на табурете рядом с матерью, Луиза, ибо так ее звали в детстве, внимала философам и принимала участие в беседах³. Чтение и сочинительство были ее излюбленными занятиями. Она знала латынь, английский, прекрасно декламировала и обожала театр. Ей не были чужды и такие элементы традиционного воспитания девушек из аристократической среды, как музыка и танцы. Эрудиция и культура сочетались в ней с живостью ума и воображения. В юном возрасте она была автором ряда трагедий и комедий, изданных небольшими тиражами.

Однако ее страстный интерес к политике, оформившийся под влиянием отца, явно выбивался из нормы. Администрируя финансы королевства в кризисной ситуации с 1777 по 1781 гг., Ж. Неккер разрабатывал проекты реформ, которые предполагали ущемление интересов двора и придворной знати. Натолкнувшись на оппозицию влиятельных лиц, популярный среди третьего сословия и ненавидимый аристократами, отец стал для Луизы олицетворением величия. Она боготворила его, и впоследствии, повзрослев, испытала немало разочарований, ища в мужчинах качества идеального супруга и государственного деятеля, сравнимые с теми, какими в реальности, но еще больше в ее воображении был наделен Неккер.

В XVIII в. дамы благородного происхождения, богатые и со связями, хозяйки салонов, пользовались большим авторитетом в обществе, создавая моду на сочинения, авторов, оформление комнат, стиль в одежде, и оспаривая тем самым традиционное ограничение роли женщин семейным кругом. Парижские салоны мадам дю Деффан, мадам Жоффрен, Жюли Леспинас, мадам Неккер, где обсуждались литературные и политические новости, придворные анекдоты и насущные проблемы Французского королевства, имели самое непосредственное влияние на

формирование общественного мнения. Как правило, хозяйки салонов отличались тонким умом и наблюдательностью, но их целью было не столько блистать самим, сколько создавать необходимые условия для того, чтобы их гости, литераторы, ученые, дипломаты, философы, музыканты, могли наиболее эффективным образом раскрыть себя в беседах и продемонстрировать свои таланты. Тем не менее, через салоны женщины проложили себе путь к эмансипации, хотя он и был доступен лишь самым привилегированным из них.

Традиционно подчиненные мужчинам, женщины издревле стремились оказывать на них влияние путем супружеских и любовных уз. Эта мысль была укоренена в истории, и стоило мужчине подпасть под женское обаяние, как она, пусть неявно и, оставаясь в тени, становилась его советчицей. Однако в абсолютной монархии все и вся было подчинено воле короля, кроме того во Франции действовал салический закон. И женщинам было трудно, почти невозможно принимать какое-либо участие в государственных решениях. Лишь мадам де Ментенон, мадам де Помпадур, Марии-Антуанетте удавалось, в конечном счете, влиять на политику их коронованных супругов и любовников.

Честолюбивая и стремящаяся к признанию, Жермена, ибо так она стала именовать себя после замужества в 1786 г., хотела воплотить в себе новый тип женщины, которая не столько оказывает влияние, сколько руководит и принимает решения, являясь в полном смысле слова творцом истории. Она желала быть в центре внимания, в круге света, примерить на себя традиционно мужские функции, заниматься политикой и брать ответственность за свои решения. Мужчины в ее концепции становились инструментами, которыми она манипулировала по своему усмотрению. Богатая наследница, постоянно на виду благодаря престижу своего отца, блестяще образованная и одаренная, она была не из тех женщин, которые берут себе любовников, потому что они знатны и могущественны, наоборот, благодаря связи с нею мужчины должны были приобретать и приобретали недостающее им влияние. Ее брак по расчету в традициях эпохи с бароном Эриком-Магнусом де Сталь-Гольштейном, послом шведского короля в Париже, оставлял ей достаточно свободы для того, чтобы вести тот образ жизни, который она считала наиболее для себя приемлемым

В 1788 г. французская монархия была на грани банкротства, и Неккер во второй раз был призван королем возглавить финансовое ведомство. С энтузиазмом восприняв возвращение своего отца к власти, Жермена старалась изо всех сил быть ему полезной советами и связями, которые

культивировала в своем салоне по адресу шведского посольства на рю дю Бак. Получив доступ к политике через посредство своего отца, она создала себе много недоброжелателей из привилегированных сословий, которые в преддверии Генеральных штатов и после их открытия очерняли и высмеивали министра и его дочь в многочисленных пасквилях. Мадам де Сталь представлялась в них опасной интриганкой, жадной до почестей и власти⁴. По некоторым свидетельствам, именно по ее настоянию Неккер не появился на королевском заседании 23 июня, где Людовик XVI объявил о незаконности решений третьего сословия, конституировавшего себя Национальным собранием⁵. Неприятие королевской политики способствовало взлету популярности Неккера. Взрыв народного недовольства и штурм Бастилии были следствием его отставки 11 июля, вынудив короля призвать его обратно. Жермена сопровождала отца во время его триумфального возвращения в Париж.

Сторонница конституционной монархии на английский манер, она с энтузиазмом встретила революцию 1789 г., собирая в своем салоне сторонников новых идей. «Переходя из салона в салон между двумя сеансами Ассамблеи, организуя бесконечные встречи с друзьями, прилагая руку к составлению многочисленных докладов отца или к написанию депеш Сталя», она пыталась повлиять на общественное мнение в пользу политики, олицетворяемой Неккером⁶. Однако вскоре пришло осознание неразрешимости ситуации. Приверженец умеренных реформ, Неккер оказался загнанным в угол враждебностью короля и двора, которых пытался защищать, и декретами Учредительного собрания, которые принимались без его одобрения. В августе 1790 г. он окончательно удалился от дел к вящему разочарованию своей дочери, которую роялистский писатель А. Ривароль назвал «самым большим обломком славы ее отца»⁷. Конституция 1791 г., закрепив принцип однопалатного парламента, добавила к досаде Жермены. Как и ее отец, она считала необходимым наличие верхней палаты, которая была бы эквивалентом палаты лордов, и куда она мечтала поместить своих друзей либералов.

Но не только политика занимала Жермену. Молодая и любвеобильная, она вступала в кратковременные связи с революционными деятелями, Шарль-Морис де Талейран и Александр де Ламет были в числе ее любовников. Более серьезной ее привязанностью был граф Луи де Нарбонн. Этот красавец с изысканными манерами, предположительно побочный сын Людовика XV, благодаря ее стараниям, получил в декабре 1791 г. должность военного министра. Королева Мария-Антуанетта следующим

образом сообщала об этом событии в письме Акселю фон Ферзену: «... граф Луи де Нарбонн наконец военный министр. Какая слава для мадам де Сталь и какое удовольствие иметь целую армию... для себя одной»⁸. Жермена, как это было ее обыкновением, принимала участие в подготовке речей Нарбонна, и можно предположить, зная ее темперамент, давала ему советы. Более того, подчинив его своей воле, пыталась руководить им. Но, потерпев неудачу во всех своих проектах, не сумев помешать контрреволюционному союзу Австрии и Пруссии, не имея поддержки короля, Нарбонн продержался на министерском посту лишь три месяца. Жирондисты у власти и захват санкюлотами Тюильрийского дворца заставили Жермену покинуть Париж в сентябрьский день 1792 г., предварительно организовав бегство Нарбонна. Три года она проведет в странствиях по Англии и Швейцарии.

Супруга Бонапарта Жозефина, урожденная Мари-Жозеф Роз де Ла Пажри, появилась на свет 23 июня 1763 г. на Мартинике. Ее происхождение, как со стороны матери, так и со стороны отца, было креольским. Среди ее предков по отцовской линии был Пьер Белен д'Эснамбюк, основатель в 1635 г. французской колонии на Мартинике. Семейство Ташер де Ла Пажри, хотя и из старинного дворянства, пребывало в относительной нужде, которую можно объяснить различными обстоятельствами, Семилетней войной с англичанами, ураганом разрушительной силы, но главным образом, неумелостью отца будущей императрицы в управлении плантациями сахарного тростника. Образование, полученное Розой, именно так ее звали в детстве, было рудиментарным, на уровне пансиона Дам Провидения из Фор-Руаяль, где она провела несколько лет и откуда вынесла науку, что «стыдливость и скромность составляют наилучшее украшение их пола; а мягкость и доброта нравов делают его приятным в обществе»⁹. Сосватанная теткой за Александра де Богарне из благородного семейства, имевшего плантации на Сен-Доминго и давно знакомого ее родителям, шестнадцати лет от роду она отправилась в метрополию.

Для провинциальной креолки из далекой колонии вступление в брак с молодым офицером, прекрасным собой, блестяще образованным и с положением в обществе, казалось манной небесной, не говоря уже о привлекательности жизни в Париже. Однако супружество не принесло ей семейного счастья. Александр де Богарне стеснялся своей неотесанной супруги, изменял ей со светскими львицами и покидал семейное гнездо на длительные сроки. В 1783 г. он полностью порвал с нею, и Роза, ставшая к тому времени дважды матерью¹⁰, вынуждена была удалиться

в монастырь де Пантемон в самом центре Парижа. Там, посреди аристократов, искавших утешения от жизненных невзгод, она смогла залатать некоторые лакуны в своем образовании и, главное, перенять правила хорошего тона¹¹. После нескольких лет, проведенных в монастыре, Роза преобразилась, начала появляться в свете и приумножать количество воздыхателей.

В начале революции Александр де Богарне стал влиятельным персонажем, и Роза, хотя и жившая отдельно от супруга, ощутила на себе отблеск его славы. Депутат от Блуа в Генеральных Штатах, он занимал видный пост председателя Учредительного собрания в 1791 г., а после его роспуска возглавил Рейнскую армию. Репутация супруга открыла перед Розой двери недоступных прежде салонов и позволила ей завязать полезные знакомства с политическими деятелями. Но неумелость в управлении армией, повлекшая за собой сдачу Майнца в июле 1793 г., пробудила подозрительность якобинцев на счет бывшего дворянина Богарне, что имело следствием его арест в марте 1794 г. Роза подверглась аресту, в свою очередь, в апреле. После нескольких месяцев, проведенных в тюрьме, А. де Богарне погиб на гильотине 5 термидора (23 июля) за несколько дней до падения Робеспьера. Его вдова была освобождена 6 августа, благодаря заступничеству Ж.-Л. Тальена, активного участника термидорианского переворота.

После освобождения открылся новый период в жизни Розы. Подвергнувшись преследованиям при якобинском терроре и потеряв мужа, чью память она принялась реабилитировать, вдова Богарне чувствовала себя уютно в обществе с модой на «балы жертв», «прически как у жертв», туники приговоренных. Добившись снятия секвестра на имущество супруга в 1795 г., она приобрела финансовую стабильность, но и без того ее обширные связи позволяли ей, хотя и в долг, приятно проводить время. Имея склонность к роскоши и удовольствиям, к красивым нарядам и пышным банкетам, она стала одной из трех граций парижского общества, наряду с Терезой Кабаррюс, супругой Тальена, и Фортюне Амелен, молодой креолкой. Близкая подруга Терезы Тальен, она регулярно появлялась в ее салоне, где встречала влиятельных политиков и дельцов, как финансист Г.-Ж. Уввар и председатель Конвента П. Баррас, один из лидеров термидорианского переворота. Уввар ссужал ее деньгами и приглашал на роскошные ужины, где пунш лился рекой, а отношения с Баррасом, который коллекционировал любовниц, вскоре переступили границы дружбы. Принятая в «гарем», она находилась некоторое время

у него на содержании. После принятия конституции III года Республики, Баррас вошел в состав правительства Директории (27 октября 1795), и посещение его апартаментов в Люксембургском дворце позволило Розе завязать знакомство с наиболее значительными персонажами эпохи.

К осени 1795 г. относится и ее встреча с корсиканским генералом Наполеоне Буонапарте (его имя тогда только начали офранцузивать в Наполеона Бонапарта), который покрыл себя славой при разгроме роялистского мятежа 13 вандемьера (5 октября) и был знаком Баррасу еще со времен осады Тулона. По легенде, сын Розы Евгений де Богарне, обратившись к Бонапарту с просьбой оставить ему саблю его отца в обход изданного им распоряжения о сдаче оружия, явился невольной причиной первой встречи своей матери с генералом. Тронутый волнением подростка, Бонапарт на следующий день сам принес ему испрошенное разрешение и был приветливо встречен вдовой Богарне¹². Оспоренный некоторыми современниками¹³, рассказ этот, возможно приукрашенный, на наш взгляд, все же имеет под собой основу. Можно предположить, что его протагонисты впервые увиделись на одном из вечеров у Барраса или у мадам Тальен, но плохо причесанный, неряшливо одетый и безвестный Бонапарт не произвел на впечатление на элегантную вдову Богарне. Назначение его главнокомандующим внутренней армией после 13 вандемьера, придав ему важности, внушило Розе желание возобновить с ним контакт и распоряжение о сдаче оружия могло вполне послужить ей предлогом для того, чтобы осуществить это свое намерение.

Как бы то ни было, молодой генерал без памяти влюбился в креолку, и в 1796 г., накануне отбытия к Итальянской армии, вступил с ней в брак. Прежде чем дать согласие, Роза колебалась. Внешне Бонапарт не был ее типом мужчины, она предпочитала высоких и мускулистых красавцев, как генерал Лазарь Ош, которого хотела на себе женить, но тот, связанный узами брака с провинциалкой, родившей ему дитя, отказался разводиться. Безусловно, женитьба на вдове Богарне имела для Бонапарта много выгод, ибо «королева» Парижа, как ее тогда называли, вхожая в высшие круги власти, она могла оказаться ему полезной своим знанием света, в то время для Розы выгоды от супружества с ним были менее очевидны. Все его состояние было, фигурально выражаясь, в плаще и шпаге, и, несмотря на успешный дебют в военной карьере, обстоятельства могли измениться. Назначение Бонапарта главнокомандующим Итальянской армии заставило ее поспешить с решением, и 9 марта бракосочетание

состоялось. Именно тогда, желая поставить крест на ее прошлом куртизанки, Бонапарт переименовал Розу в Жозефину.

Проводив супруга, она окунулась в привычную жизнь модницы и, в совершенстве владея искусством оболщания, не отказывала себе в любовных связях, в то время как Бонапарт одерживал победы в Ломбардии. Вынужденная, в конечном счете, уступить настояниям супруга, завоевавшего Милан и ожидавшего ее приезда, она покинула Париж 26 июня в сопровождении своего любовника лейтенанта Ипполита Шарля, с которым искала встреч и в Италии. Эта идиллия продолжалась многие месяцы на виду у всех, и только Бонапарт обманывался насчет истинных мотивов присутствия галантного гусара, полагая, что он служит эскортом для его супруги. Прибыв в Париж, как было сказано выше, 5 декабря 1797 г., после подписания мира с австрийцами, Бонапарт около месяца прождал Жозефину. Путешествуя в компании предупредительного Ипполита, она не спешила к супругу и прибыла в Париж лишь 2 января, накануне вышеупомянутого бала в особняке Галлиффе¹⁴. И, тем не менее, ослепленный страстью Бонапарт не желал верить инсинуациям о неверности жены, которые доходили до него в Париже. Лишь разоблачения А. Ж. Жюно и Л. А. Бертье раскрыли ему глаза во время Египетской кампании. Вернувшись из Египта в октябре 1799 г., озабоченный кризисным состоянием режима Директории и потерей Италии в войне против второй коалиции, Бонапарт имел намерение развестись с Жозефиной, найдя пустыми супружеские апартаменты на улице де ла Виктуар. Когда поспешившая ему навстречу и разминувшаяся с ним в дороге Жозефина вернулась, он отказался открыть ей дверь¹⁵. Слезы неверной супруги, привязанность к ней и ее детям, а также созревшее к тому времени решение свергнуть режим Директории склонили его к прощению. Не начинать же государственный переворот с семейных дрызг и развода!

К тому же Жозефина могла оказаться полезной и действительно принесла пользу заговорщикам обширными своими знакомствами. Ее жизнь, как и жизнь Бонапарта в этот период, проходила в тайных разговорах и шушуканьях. Используя свое очарование как самый веский аргумент, она умела усыпить бдительность одних, пробудить симпатии других. Необходимо было убедить как можно больше директоров присоединиться к заговорщикам, в число которых входили уже двое из них, Сийес и Баррас. Для Жозефины это было не внове, ведь сумела же она в свое время убедить Барраса и Рёбелля принять план Египетской экспедиции Бонапарта¹⁶. Пригласив на завтрак 18 брюмера неравнодушного к

ней Л.-Ж. Гойе, председателя Директории, Жозефина желала приобрести в его лице еще одного сторонника запланированного мероприятия. Но приглашенный, заподозрив неладное, воздержался от посещения¹⁷. Как бы то ни было, Жозефина способствовала, как могла, успеху переворота 18–19 брюмера, который сделал Бонапарта Первым консулом, проложил путь к постепенному его возвышению вплоть до трона и коронации императором.

Несмотря на внешнюю беззаботность, как в первом своем браке, так и во втором, Жозефина проявляла редкую для женщины того времени независимость и деловитость. Без вины обвиненная А. де Богарне в неверности и низости, она могла бы поддаться отчаянию, однако проявила редкую напористость и, не доведя дело до процесса, добилась «разделения тел и жилищ» на желаемых ею условиях. «Апатичная креолка», поставленная в чрезвычайные обстоятельства, оказалась женщиной с характером. Оставленная мужем и привыкнув быть сама себе хозяйкой, она принимала решения и не скрывала своих любовников. И даже выйдя замуж за Бонапарта, она не рассталась с привычками независимой женщины. Приложив усилия к организации в 1798 г. снабженческой компании Л. Бодена, она обеспечила себе долю в ее прибылях, как и своему возлюбленному Шарлю, которого туда ввела. Ее влияние на директоров, подписывавших контракты, позволяло компании процветать, а акционерам наживаться на армейских поставках, хотя ей и не удалось спасти ее от разорения вследствие растрат в 1799 г.¹⁸ В отсутствие супруга, занятого покорением Египта, она, собрав необходимые средства, приобрела в апреле 1799 г. имение Мальмезон поблизости от Парижа. И это несмотря на то, что Бонапарт, посетивший дворец и парк до своего отъезда к армии, нашел запрашиваемую за них цену слишком дорогой. Такова была женщина, которую Наполеон предпочел Жермене, публично заявив об этом в тот памятный вечер 3 января 1798 г.

Неоднократно испытав радости любви и муки разлуки, терзавшаяся мужским непостоянством и неблагодарностью, Жермена была к моменту встречи с Бонапартом умудренной опытом женщиной¹⁹. Л. де Нарбонн, А.-Л. Риббинг, внушив ей страсть, и испытав на себе ярмо ее собственной природы, покинули ее один за другим. В мае 1795 г., после трехлетнего отсутствия, Жермена вернулась в Париж в компании нового своего обожателя Бенжамена Констана, уроженца Швейцарии, который останется с ней долгие годы, смирившись со своим положением «раба». Безвестный мыслитель, Констан нуждался в покровительстве, славе и

финансах Жермены, которая нашла в их отношениях, отмеченных чередованием черных и белых полос, сначала удовлетворение от интеллектуального сотрудничества, а впоследствии и глубину чувств. Вновь войдя в права хозяйки салона на рю дю Бак, она принимала выразителей самых разных политических взглядов, как свидетельствовал Б. Констан: «Салон мадам де Сталь был населен представителями четырех или пяти различных племен: членами действующего правительства, чьим доверием она стремилась овладеть; уцелевшими деятелями из бывшего правительства; вернувшимися из эмиграции дворянами; писателями и дипломатическим корпусом»²⁰.

Автор «Размышлений о мире, адресованных г-ну Питту и французам» (1795), Жермена дополнила их написанными в Париже, но так и не изданными «Размышлениями о внутреннем мире». Призывая конституционных монархистов и умеренных республиканцев объединиться против представителей крайних течений, якобинцев и непримиримых роялистов, Жермена декларировала себя сторонницей центристской республики, основанной на принципах собственности и просвещения, руководимой аристократией не наследственной, но цензовой. Такая республика, по ее мнению, была гарантом свободы при сохранении порядка, наилучшим способом завершить революцию. Брошюра Б. Констан «О силе настоящего правительства и о необходимости к нему присоединиться» была написана в непосредственной близости от Жермены и под явным ее влиянием, ибо воспроизводила ряд изложенных ею ранее идей. Развивавшая дорогие для либералов идеи свободы и представительной системы, брошюра была издана в 1796 г., вызвав благоприятные отзывы сторонников Директории.

Тем не менее, Жермена не сумела создать себе сколько-нибудь прочного положения в термидорианской республике. Сделав возможным возвращение из эмиграции Л. де Нарбонна, Ш.-М. де Талейрана, Ф. де Жокура, А.-П. де Монтескью, она подпала под подозрение в роялистских симпатиях и решением Комитета общественного спасения была изгнана из Франции после мятежа 13 вандемьера. Укрывшись по обыкновению в швейцарском имении Коппе, где доживал свой век ее отец, она испытала шок при известии о решении Директории от 22 апреля 1796 г., запрещавшем ей под угрозой ареста появляться на территории Франции. Правительство подозревало ее в переписке с эмигрантами и опасалось, что ее появление в Париже даст пищу новым беспорядкам. И правда, ведя себя как эмансипированная женщина, она не считалась с тем, что о ней поду-

мают или скажут, и за ней прочно закрепилась репутация интриганки. «Самая болтливая женщина Парижа», она раздражала и вызывала недоумение, но стоило с нею пообщаться, как бывшие недоброжелатели становились самыми пылкими ее поклонниками²¹. Мало кто сумел не поддаться ее обаянию. Бонапарт был одним из них.

К моменту своего знакомства с ним Жермена, пользуясь протекцией Барраса, уже год как жила во Франции, сначала в имении Констана Эриво, а с мая 1797 г. в Париже. 8 июня у нее родилась дочь Альбертина, отцом которой был, вероятно, Констан, но барон де Сталь признал ее своим ребенком. К этому времени Жермена уже была матерью Огюста и Альбера, предположительно сыновей Нарбонна, которым ее супруг, соблюдая приличия, дал свою фамилию. В 1797 г. позиция мадам де Сталь несколько укрепилась, во многом благодаря эссе Констана «О политической реакции», написанного под ее влиянием и направленного в поддержку республики в тот момент, когда набрав большинство голосов на парламентских выборах, роялисты угрожали ее существованию. Конституционный кружок, где Констан тестировал свое красноречие, был создан при ее участии с целью поддержки Директории. Заняв такую позицию, она не могла не одобрить переворот 18 фрюктидора (4 сентября), в результате которого роялистские депутаты подверглись аресту, а Бартелеми и Карно лишились директорских кресел, что не мешало ей испытывать сострадание к жертвам произвола. По-прежнему держа салон, Жермена встречалась с политиками, хлопоча за интересы своего отца, за судьбу Лафайета, томившегося в австрийском плену. Ее стараниями Ш.-М. де Талейран получил 16 июля 1797 г. пост министра внешних сношений.

По возвращении из Италии Бонапарт был на вершине славы, и Жермена, имевшая склонность к героическим личностям, захотела разделить с ним его славу. Распознав в нем колоссальный потенциал, она захотела стать его соратницей, его alter-ego. Гениальная женщина, ее мечтой было подчинить себе гениального мужчину, руководить его помыслами и действиями, но Бонапарт остался неприступен. Через два года после памятного ответа Жермене переворот 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799) вознес Бонапарта на вершину власти. Автор текста «О настоящих обстоятельствах, которые могут завершить Революцию...», написанного в 1798 г. в условиях нестабильности Директории и призывавшего к пересмотру Конституции III года, **Жермена сочувственно встретила переворот 18 брюмера**. Оставшаяся неопубликованной, эта ее работа выдавала в

ней прозорливого политического мыслителя. Тем не менее, она не сразу распознала в Бонапарте будущего диктатора, продолжая еще некоторое время видеть в нем спасителя республики и свободы от происков внутренних и внешних врагов, якобинцев, абсолютистов, европейских коалиций. И не отказавшись от своих надежд на политическую роль, вообразила, что со временем ей удастся завоевать его расположение.

Ожидая лучшего, она была довольна и тем, что, благодаря поддержке Сийеса, сумела провести Констан в Трибунаг, единственную консультативную ассамблею нового режима. Утвердив его назначение 24 декабря 1799 г., Бонапарт уже через несколько дней пожалел об этом. 5 января 1800 г. Констан, к слову сказать, великолепный трибун, произнес зажигательную речь в защиту права Трибунага критиковать правительственные инициативы. Пришедши в ярость, Первый консул заподозрил мадам де Сталь в сообщничестве, она, по его мнению, вдохновила Констан на его филиппику. В тот же день завсегдатаи салона Жермены на рю де Гренелль, куда перебралось шведское посольство в 1798 г., не явились на запланированный ужин в честь Констан²². Выступив с критикой правительства через несколько дней после своего назначения, доставшегося с таким трудом, Констан, как представляется, совершил оплошность. Безвестный швейцарец, он получил из милости назначение в Трибунаг, большинство членов которого имели за плечами карьеру в политике, и, по крайней мере, в первое время Бонапарт был вправе ожидать от него умеренности. Возомнив себя революционным оратором, Констан повел себя как оппозиционер, защитник республиканских ценностей.

В итоге, салон мадам де Сталь, поначалу посещаемый влиятельными персонажами, как Ш.-М. де Талейран, Жозеф Бонапарт, Ж. Фуше (министр полиции), консул Лебрен, опустел. Газеты ополчились против нее и Констан, свет демонстрировал ей свое презрение, живо прочувствованное ею на приеме у мадам де Монтессон²³. Не понимая или не желая понимать, что эпоха свободных дискуссий 1790–1791 гг. безвозвратно прошла, Жермена была уязвлена такой реакцией. На попытки Жозефа Бонапарта, поклонника ее талантов, заступиться за нее, Первый консул отвечал недоумением: «Почему Мадам де Сталь не станет поддержкой для моего правительства?»²⁴. Она извлекла бы из этого выгоды. Но Жермена желала думать и говорить свободно. В условиях, когда власть Первого консула консолидировалась, Жозеф Бонапарт рекомендовал ей поступить по примеру цирюльника короля Мидаса, героя известного мифа, который рыл землю, чтобы поверять ей свои тайны, и, вероятно, это было бы для нее

мудрым решением²⁵. Но Жермена не желала изменять своим принципам. Несмотря на обиду, в письмах к друзьям она продолжала лестно отзываться о Первом консуле, говорила о своей вере в его республиканизм, восторгалась победой при Маренго (14 июня 1800), видя в ней предвещание долгожданного мира и свободы. Позволение эмигрантам вернуться во Францию, казалось, подтверждало ее надежды. Читательский успех ее трактата «О литературе», изданного дважды в 1800 г., помог ей воспрянуть духом, и вновь сделал ее общество желанным, тем более что Жермена, по ее словам, отказалась от политики, посвятив себя написанию романа²⁶.

В 1801 г., деля по обыкновению свою жизнь между Парижем и швейцарским имением Коппе, она вновь в вихре светской жизни, давала балы и ужины. До нее дошли слухи о том, что Первый консул, по-прежнему к ней нерасположенный, в разговорах с третьим лицом обвинил ее в безразличии к тяжелой финансовой ситуации собственного супруга²⁷. Жермена не была повинна в том, что Э.-М. де Сталь сорил деньгами, которые черпал отчасти из ее приданого и из субсидий ее отца. Но Бонапарт полагал что, стремясь к общественной стезе, и пренебрегая добродетелями своего пола, она пренебрегала и священным долгом супружества. Он придерживался традиционного мнения о том, что удел женщины быть супругой и матерью и заниматься домашним хозяйством. Выражаясь современным языком, он был мачо, сказывался корсиканский темперамент. Но это не значит, что он презирал женщин, считая их за низшие существа. Он очень уважительно относился к своей матери Марии Летиции Рамолино, женщине с сильным характером, которая, рано овдовев, одна подняла на ноги семерых детей. Но он был сторонником ясно обозначенного и закрепленного в традиции разделения ролей между мужчинами и женщинами. Ведь и корсиканки, играя первенствующую роль в управлении домом, во всем остальном подчинялись мужу. Почитатель Ж.-Ж. Руссо, Бонапарт разделял его мнение о том, что женщины созданы для домашнего очага, что они должны быть робкими, целомудренными и скромными, качества, которое общество должно в них воспитывать и культивировать, и что всякая женщина, не вписывающаяся в этот идеал, наносит оскорбление нравственности²⁸.

В пору революции женщинам удалось добиться гражданских прав, закрепленных в Конституции 1791 г., и в том числе права на развод в 1792 г., но уже при Якобинской диктатуре и Директории их права стали ущемляться. Стоило женщине заявить претензии на роль в политике, как

она подвергалась осмеянию, получала обидное прозвище *virago*. Жермена испытала на себе всю ярость газетных атак и презрение журналистов, политиканов. Гражданский кодекс, разрабатывавшийся под неусыпным контролем Первого консула с 1800 по 1804 г., закрепил патриархальную реакцию, сделав брак основой общественного порядка и низведя женщину до уровня недееспособного существа. Но в 1801 г., когда Бонапарт был еще только на пути к всевластию, он был доволен и тем, что до него не доходили более слухи о выходках мадам де Сталь²⁹.

Завершив в общих чертах работу над романом «Дельфина», и страдая от безразличия Бонапарта, который желал от нее покорности и послушания, но никак не наставлений в политике, Жермена в пику ему вновь повела себя вызывающе. Ее салон на рю де Гренелль стал местом сбора недовольных, тех, кто обвинял Первого консула в деспотизме. Слухи о фрондерстве дошли до Бонапарта, раздражив его до последней степени. Слишком амбициозная, Жермена явно не вписывалась в созданный Бонапартом режим, где не могло быть иной власти, иного авторитета, кроме него самого. Политический салон был бы хорош для 1791 г., но не для 1801 г. При Бонапарте было позволительно существование только тех салонов, которые, культивируя искусство светской беседы, не вмешивались в политику. Его гнев против мадам де Сталь был столь велик, что Жозефина, не выдержав, сделала ему замечание: «Я верила в прочность твоего правительства, но раз женщина может внушить тебе такие опасения, скорее всего, это не совсем так»³⁰.

Бонапарт более не был намерен терпеть речи Констанана в защиту правового государства. Декретом от 27 нивоза X года (17 января 1802) он лишил его места в Трибунате, а вместе с ним и еще 19 «идеологов».

Последовавшие события только распалили его предубеждение против Жермены. До него доходили высказываемые ею пикантные выражения в его адрес. Не имея более причин сдерживаться, Жермена критиковала восстановление католического культа, который, как и у всякого протестанта, ассоциировался у нее с обскурантизмом. Военные, участники открывшегося впоследствии заговора, как Ж.-Б. Бернадотт и Ж. В. Моро, были среди посетителей ее салона, чего было достаточно, чтобы обвинить ее в сообщничестве. Изданные в 1802 г. брошюры Неккера и Камиля Жордана, проникнутые критическим духом, были приписаны Бонапартом пагубному влиянию Жермены. Роман «Дельфина», вышедший из печати в конце того же года, переполнил чашу его терпения. Свидетельствуя о незавидном положении женщины в обществе с ложной моралью и

предрассудками, прославляя свободу личности, содержа выпады против католицизма и речи в защиту развода, роман был явным вызовом режиму. И Бонапарт решил поставить Жермену на место. 10 февраля 1803 г. появилось специальное распоряжение Первого консула, запрещавшее ей въезд во Францию и вменявшее в обязанность министру полиции в случае, если бы она на это отважилась, отрядить жандармов для препровождения ее к границе. Впоследствии она добилась разрешения на жительство в окрестностях Парижа, но с условием не приближаться к столице ближе, чем на 10, а затем и на 40 лье. Пока Бонапарт оставался у власти Париж был ей запрещен.

Так Бонапарт вынудил Жермену к путешествиям. Не будь этого запрета, сделал он хотя бы небольшое усилие над собой, позволь он ей вернуться в Париж, она была бы у него под неусыпным надзором и, возможно, вновь сделалась бы его почитательницей. Но у Наполеона не хватило такта. Властная натура Жермены была ему невыносима. Она упивалась словами, и это отсутствие практического смысла также было ему невыносимо. Изгнанная из Парижа, она совершила путешествия в Германию, в Италию, в Россию, где вела активную пропаганду против Наполеона. Сам факт ее противостояния Наполеону, подчинившему своей власти Европу, принес ей дополнительную известность. С другой стороны, если вдуматься, Бонапарт был не так уж жесток с Жерменой. Как диктатор он мог бы арестовать ее, но он предоставил ей путешествовать и восстанавливать против него общественное мнение европейских стран.

Жермена и Жозефина были двумя противоположными типами женщин. Не будучи интеллектуалкой, Жозефина не имела политических идей или амбиций. Владея искусством светской беседы, как и все женщины ее круга, она блистала в салонах, но ее поверхностный ум не претендовал на оригинальность. Она страстно любила дорогие наряды и алмазы, без счета тратя на них деньги, которые лились на нее рекой благодаря всевластию Бонапарта. Она была грациозна и мила, любила цветы и охотно занималась их выращиванием в садах Мальмезона. Однако, производя впечатление женщины ветреной и легкомысленной, «*герос du guerrier*», как говорят французы, она не была в подчинении у супруга. Мягкий в отношениях с ней, Наполеон и не стремился взять верх над женщиной, которая была старше его годами. В 1804 г. он короновал ее императрицей, несмотря на то, что короли Франции не имели обычая возлагать корону на голову своих супругов. Продолжая трогательно ее любить и оплачивать ее долги, Бонапарт был вполне удовлетворен тем, как она держала салон,

создавая ему необходимую репутацию и связи. По-женски она умела иногда повлиять на выбор тех или иных лиц для занятия государственных должностей или вступить за просителей.

В отличие от Жозефины, которая достигла вершины, имея отправной точкой достаточно незavidное положение, Жермена с самого своего рождения имела все, чтобы иметь успех в обществе: знаменитого отца, образованность, богатство, литературный талант. Однако слишком амбициозная для эпохи, желавшая играть самостоятельную роль в политике, она потерпела неудачу там, где Жозефина одержала успех посредством своего могущественного супруга.

Обе были женщинами с характером, обе умерли в достаточно молодом возрасте, имея 51 год от роду. Обе знали императора Александра I, который оказал Жермене почетный прием в 1812 г., в разгар войны русского народа с Наполеоном, и посетил Жозефину в Мальмезоне, после вступления русской армии в Париж в 1814 г. Многочисленные потомки обеих играли первые роли в последующей истории. Политик А. де Бройль, писатель П.-Г. д'Оссонвиль, вели свое происхождение от Жермены, а Наполеон III был внуком Жозефины, которая, вследствие альянсов ее потомков с царствующими домами Европы, является прабабкой большинства современных монархов. Влиятельные потомки Жозефины обосновались и в России, вследствие женитьбы ее внука Максимилиана Лейхтенбергского на великой княжне Марии, дочери Николая I. Имения, принадлежавшие Жозефине и Жермене, дворец Мальмезон в окрестностях Парижа и замок Коппе в окрестностях Женевы, и по сей день являются местами памяти их знаменитых обитательниц.

Стремившаяся к политической роли, мадам де Сталь оставила, прежде всего, след в истории французской литературы, став родоначальницей романтизма. Космополитический аспект ее творчества нашел выражение в книге «О Германии», которая позволила французам открыть для себя соседний народ. Жозефина интересна историкам и широкому читателю, главным образом, исключительностью своей судьбы.

Обе были связаны с Наполеоном, но по-разному. Жермена воплощала собой оппозицию к его власти, Жозефина была его нежно любящей супругой. И хотя в обоих случаях их связь окончилась «разводом», Наполеон окончательно рассорился с Жерменой в 1802 г. и расторг брачные узы с Жозефиной в 1809 г., обе остаются неотделимыми от его образа.

¹*Arnault A.V.* Souvenirs d'un sexagénaire. Paris, 2003. P. 594–595.

²Ж. Неккер возглавлял министерство финансов в период с июня 1777 по май 1781 г., с августа 1788 по 11 июля 1789 г. и с 30 июля 1789 по август 1790 г., не имея звания генерального контролера (министра финансов), в котором ему было отказано как протестанту.

³*Winock M.* Madame de Staël. Paris, 2010. P. 17.

⁴См.: *Marquis de Ferrières.* Correspondance inédite (1789–1791), publiée par H. Carré. Paris, 1932. P. 29.

⁵*Diesbach G. de.* Madame de Staël. Paris, 1983. P. 111.

⁶*Ibid.* P. 115.

⁷Цит. по: *Ibid.* P. 127.

⁸Цит. по: *Ibid.* P. 143.

⁹Цит. по: *Chevallier B., Pincemaille Ch.* L'impératrice Joséphine. Paris, 1996. P. 20.

¹⁰Детьми Жозефины были Евгений и Гортензия де Богарне.

¹¹*Stuart A.* La Rose de Martinique. La vie de Joséphine de Beauharnais. Traduit de l'anglais par Myriam Borel. Paris, 2003. P. 65–69.

¹²См.: *Mémoires et correspondance politique et militaire du prince Eugène*, publiés par A. du Casse. En 10 tomes. T. I. Paris, 1858. P. 31.

¹³*Mémoires de Barras*, membre du Directoire, édités par Georges Duruy. En 2 tomes. T. I. Paris, 1895. P. 264.

¹⁴См.: *Gavoty A.* Les amoureux de l'impératrice Joséphine. Paris, 1961. P. 249–267.

¹⁵*Ibid.* P. 282.

¹⁶*Chevallier B., Pincemaille Ch.* Op. cit. P. 160–162.

¹⁷*Mémoires de Joseph Fouché*, duc d'Otrante, ministre de la police générale, édités par Jean de Bonnot. Paris, 1967. P. 69.

¹⁸*Gavoty A.* Op. cit. P. 269, 279–280.

¹⁹Вынесенный мадам де Сталь из испытанных ею любовных страстей и разочарований опыт лег в основу ее книги «О влиянии страстей на счастье индивидуумов и наций» (1796).

²⁰Цит. по: *Winock M.* Op. cit. P. 108–109.

²¹*Ibid.* P. 28.

²²*Diesbach G. de.* Op. cit. P. 276.

²³*Ibid.* P. 279.

²⁴*Ibid.* P. 278.

²⁵*Ibid.* P. 279.

²⁶*Winock M.* Op. cit. P. 186.

²⁷*Diesbach G. de.* Op. cit. P. 286.

²⁸*Rousseau J.-J.* Lettre à d'Alembert // Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau avec des éclaircissements et des notes historiques par P. R. Auguis. Vol. 2. Paris, 1828. P. 138–140.

²⁹*Gautier P.* Madame de Staël et Napoléon. Paris, 1921. P. 70.

³⁰*Diesbach G. de.* Op. cit. P. 299.